раженной форме нашло выражение в посвященных Л. Ю. Брик поэмах «Флейта-позвоночник», «Человек», «Про это». Напомним однако, что такие неразрывно связанные с любовной драмой лейтмотивы поэзии Маяковского, как одиночество, неприкаянность, безумие, бунт против земных и небесных сил, самоубийство, возникали и в произведениях, созданных до знакомства с Л. Ю. Брик. Ведь от первого чувства до конца жизни любовь для Маяковского — «это сердце всего».

Важно подчеркнуть: в произведениях Маяковского (как в любом творении искусства) огромную роль играет художественный вымысел. И хотя Маяковский демонстративно утверждает: «Это было,/было в Одессе», разыгравшаяся там любовная драма, конечно же, преображена. В. О. Перцов, а позже и другие исследователи, справедливо отметили, что социальный мотив украденной буржуазным обществом у поэта любви («Облако в штанах») не соответствует реалиям, связанным с личностью и поведением М. Денисовой. Или, к примеру, в поэме «Человек» соперником лирического героя выступает Повелитель Всего, свободно перемещающийся в веках и необъятных пространствах, как и сам герой.

Вернемся, однако, к интересующей нас теме и остановимся на настойчиво звучащем в творчестве Маяковского мотиве самоубийства. Б. Янгфельдт вслед за Л. Ю. Брик полагает, что именно в тяге к самоубийству надо искать ключ к пониманию Маяковского — человека и поэта [18, с. 39]. С этим трудно согласиться. Воспоминания близко знавших поэта и очень разных людей, его собственные письма любимым в сопоставлении с поэтическими произведениями убеждают: самоубийство в сознании Маяковского и его стихах — всегда *следствие* трагедии несостоявшейся или мучительной любви. Так было в юношеской пьесе, та же связь прослеживается в «Облаке» и «Флейте-позвоночнике», где способ расчета с жизнью — точка пули «в своем конце». В поэме «Человек» мотив самоубийства возникает непосредственно вслед за изображением «любовного ложа», где «из-за Его волосиков любимой голова». В поэме «Про это» все та же любовная мука: «Ее заменишь?!/Некем!//По гроб запомни переплеск,/плескавший в «Человеке» ... Владимир!/Остановись!/Не покинь!/Зачем ты тогда не позволил мне броситься!//С размаху сердце разбить о быки?» [4, т. 4, с. 150, 152]. К любимой женщине обращены слова Человека, прикрученного им семь лет назад к перилам моста над Невою: «Теперь лишь ты могла б спасти./Вставай! Бежим к мосту!» [4, т. 4, с. 170].

В «Про это» мотив ревности звучит с бóльшей силой и обнаженностью, чем в «Человеке». Маяковский знал о связи Л. Ю. Брик с А. М. Краснощековым (1880—1937) в 1922—1923 гг. По мнению Б. Янгфельдта, «любовь к женщине, искусство, революция — все это было для Маяковского игрой» [18, с. 39]. Представляется, что суждение это ошибочно. Именно к этим основам его жизни поэт относился как раз с предельной серьезностью. А вот карты, розыгрыши и т. п. были лишь средством отвлечься от сосредоточенности на главном, составляющем сущность бытия.

1924 г.— своеобразный рубеж в отношениях Маяковского с Л. Брик. Она решительно объявляет, что не испытывает к нему прежних чувств. Однако в плане бытовом прежняя «кисячья осячья» семья не только не распалась, но по-своему окрепла после получения Маяковским квартиры в Гендриковом переулке, куда он переехал с Бриками в апреле 1926 г. Новый характер отношений с Л. Ю. был запечатлен в стихах: «Я/теперь/свободен/от любви/и от плакатов» [4, т. 6, с. 48]. С этого времени Маяковский в поисках личного счастья вновь начинает всерьез ухаживать за женщинами (1924—1925).

Повторять ставшие общеизвестными факты нет нужды. Они интересуют нас в связи с особенностями внутреннего мира Маяковского и прояснением истинных причин, помешавших Маяковскому обрести личное счастье. Подобно С. Шамардиной (первой любви поэта), и Э. Джонс, и Н. Брюханенко, и Т. Яковлева, и В. Полонская были с первых же встреч (вторая половина 20-х гг.) увлечены Маяковским, человеком и поэтом. Их всех поражал, привлекал и восхищал его интеллект, артистизм, сила и масштаб чувств, слов, поступков, все, что делало